

ОЛЬГА КАРПОВИЧ

**Я ХОЧУ БЫТЬ
С ТОБОЙ**

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К26

Карпович, О.

К26 Я хочу быть с тобой / О. Карпович. — М.: RUGRAM, 2024. — 212 с.

ISBN 978-5-521-91130-1

Любовь, пронесенная сквозь века, от рождения до смерти и нового возрождения... И роковая ошибка, совершенная много столетий назад... Елена и Александр предназначены друг другу судьбой. На что он, известный адвокат, сможет пойти ради своей возлюбленной? Способен ли он, рискуя собственной душой, спуститься в самую бездну преисподней, чтобы спасти Елену? Смогут ли они повернуть время вспять, не совершая страшной ошибки и наконец обрести счастье?

Бескрайние долины Монгольских степей, таинственный сумрак ламаистского монастыря, удивительный волшебник и прорицатель Лама... и современная Москва с её реалиями, порой комичными, порой грустными, — в новом остросюжетном мистическом романе Ольги Карпович «Я хочу быть с тобой».

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91130-1

© Ольга Карпович, текст, 2023
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

1

В больничной палате было полутемно. Косые полосы неяркого света пробивались сквозь жалюзи на окнах, расчерчивая застоявшийся воздух в помещении, как страничку в школьной тетради.

Александр посмотрел на лежавшую на койке девушку. Обритая голова ее, замотанная бинтами, облепленная уродливыми датчиками, казалась сейчас особенно беззащитной. Кожа была совсем тонкой, словно лепесток цветка, засушенного между страницами книги. Дотронешься — и рассыплется невесомым розовым прахом. Ввалившиеся глаза были закрыты, нос заострился, бескровные губы казались голубоватыми в полутьме. Тонкие, совсем невесомые руки безжизненно лежали поверх простыни.

Александр протянул ладонь, чтобы коснуться ее запястья, и заметил, что пальцы его дрожат. Он чудовищно разозлился на себя — слабак, тряпка, совсем расклеился!

Усилием воли он заставил дрожь уняться и дотронулся до ледяных пальцев девушки. Сумасшедшая, нелепая надежда уловить хоть отголосок жизни, слабое, почти незаметное движение, хотя бы рефлексор-

ную реакцию... Ничего этого не случилось, рука Елены оставалась холодной и безжизненной.

Нужно было хоть чем-то занять себя, чтобы не сойти с ума от звенящей в ушах тишины, нарушаемой лишь тоненьким писком замысловатых медицинских приборов у изголовья больной. Он машинально развернул журнал, лежавший на коленях. Это потрепанное издание, брошенное кем-то в коридоре, он подобрал перед тем, как зайти в палату, и теперь начал пробегать глазами первую попавшуюся статью, почти не понимая смысла:

«— Вот скажи мне, только честно скажи, если бы случилось чудо, ну, или волшебство, как хочешь, так и назови, и бородатый дяденька в белых одеждах спустился с кучерявого облака и очень строго бы у тебя спросил... Он спросил бы: хочешь ли ты, женщина, чье лицо залито слезами, чтобы я помог тебе? Тот, кого ты так любила и кто уже год как похоронен под палящими лучами предгорья Кавказа, воскреснет. И проживет долгую, счастливую жизнь без тебя, и воспоминания о тебе сотрутся, как и память о собственной смерти. Он не вспомнит тебя, потому что тебя не станет сразу же, как воскреснет он. Твой любимый человек, без которого твоя жизнь превратилась в ад на земле... Я, кстати, Бог, я могу помочь тебе. Ты согласна отдать свою жизнь взамен его?

— Н-да, ну и разговоры у нас с тобой... Хорошо. Я бы ответила, знаешь как... только не смейся, раз мы договорились быть честными. Я бы ответила так: „Я готова, Господи, забирай мою жизнь немедленно, только, Господи, у меня к тебе просьба. Ты сделай так, чтобы, когда он проснется от мертвого сна, каждый

его день с самой первой секунды был наполнен таким счастьем, которое не смогла дать ему я. Я согласна, Господи, спасибо тебе. Я готова умереть за него. Я знаю, что он поступил бы точно так же“.

— Думаю, этот добрый дяденька, именующий себя Богом, вот что тебе сказал бы тебе в ответ: „Что ж, это жертва... интересно... Ты ничего не хочешь сказать на прощание своим близким?“

— Я бы ответила сразу, к чему эти отступления: „Нет, Господи, ничего. Я верю, что они будут рады за меня. Что я обрела покой“.

— „Послушай, женщина...— ответил бы Бог — Я сделал этот мир таким, что мертвые из тлена воскреснуть не могут. Однако твое сердце настолько полно любви и веры, что я прощаю тебе все твои грехи. И прощаю твоего любимого человека. И он теперь будет всегда рядом со мной, на небесах. А ты живи за двоих, будь счастлива и знай, что вы обязательно встретитесь. Спасибо тебе, светлая душа. Пожалуй, пока есть такая любовь здесь, на земле, я подожду с концом света“».

Александр почувствовал боль в глазах — в сумерках приходилось слишком напрягать зрение, вглядываясь в печатные строчки на журнальной странице, — и несколько раз с силой зажмурился.

Дверь палаты за его спиной тихо отворилась, и на пороге появился главврач больницы. В левой руке он держал пластиковую папку с бумагами. Прищурившись, Александр прочитал на бирке, прикрепленной к синему форменному халату, его имя — Сергей Антонович. За последние две недели он читал его уже сотню раз, старался запомнить, но все было бесполез-

но. Имя врача выскальзывало из головы, как только за ним захлопывалась дверь, как и вся другая информация, не имеющая прямого отношения к состоянию Елены. Сказывалось, вероятно, невозможное напряжение последних дней — истощенный бессонными ночами, мозг Александра отказывался хранить несущественные сейчас детали окружающего.

— Добрый вечер, — поздоровался врач.

— Здравствуйте, Сергей Антонович. Что нового? Как кардиограмма?

— Кардиограмма... — протянул врач. Он остановился у изголовья Елены, вперил в недвижимую девушку взгляд, какой-то усталый, равнодушный, словно бы говорящий, что все на свете давно ему осточертело — и пациенты, и их родственники, и сама жизнь. — Кардиограмма, милый вы мой, нормальная для такого состояния. Сердце пока бьется. Загвоздка тут не в кардиограмме...

Он замялся и машинально подергал пальцами мочку уха. Александр весь подобрался, напрягся, понимая, что Сергей Антонович хочет сказать ему что-то.

— Госпожа Асеева находится в состоянии комы уже две недели. Передозировка героина вызвала обширный инсульт. Насколько я знаю, мои коллеги предупреждали Елену Валентиновну о такой опасности, когда она проходила лечение в нашей клинике три месяца назад. Толерантность ее организма к приему опиатов резко понизилась... Мы сделали все возможное — провели трепанацию черепа, вставили клапаны, откачали кровь, попавшую в черепную коробку ... анализы, МРТ...

Все это Александр слышал уже не раз. Голос врача звучал глухо, заунывно, успокаивал, погружая

в какой-то сонный, муторный транс. Александр помотал головой, стараясь вернуть рассеявшееся внимание, не дать врачу уболтать себя.

— Сергей... — он снова покосился на бейджик. — Антонович, вы не могли бы сразу же к делу. Все это я уже знаю, — резко оборвал Александр.

Врач снова дернул себя за ухо и раскрыл наконец папку:

— Хорошо, как скажете. Вот здесь у меня данные сегодняшнего МРТ. К сожалению, несмотря на поддерживающую терапию, клетки головного мозга не дают положительной динамики. — Он помолчал, затем перевел взгляд на Александра и вкрадчиво добавил: — Вы понимаете, что это значит, голубчик?

Как будто тяжелая бетонная плита опустилась на грудь, прибила, придавила к земле. Он не мог вдохнуть воздух, лишь беспомощно открывал рот, сясь сделать вдох.

Врач сочувственно посмотрел на него, уяснил, что ответа не дождется, и продолжил:

— На завтра я назначил консилиум. Пригласил виднейших специалистов в области нейрохирургии. Мы всесторонне исследуем историю болезни госпожи Асеевой, но... честно говоря, я заранее почти наверняка могу предсказать их вердикт.

— Что... что вы имеете ввиду? — сипло выговорил Александр.

— Дорогой вы мой, — доктор опустил серую жилистую руку ему на плечо, — к сожалению, мы не боги и не волшебники. Бывают случаи, когда медицина бессильна. На мой взгляд, Елена Валентиновна безнадежна, и продолжать искусственно поддерживать ее жизнь означает лишь продлевать мучительную аго-

нию. Возможно, вам стоит посоветоваться с близкими своей... невесты и принять решение об отключении аппаратов жизнеобеспечения.

— У нее нет близких, кроме меня, — отозвался Александр.

Что-то вдруг щелкнуло в груди, мучительная тяжесть оставила его, уступила место бешенству, заливавшему глаза белой пеленой. Он подскочил со стула, бросился на врача и сгреб его за отвороты халата.

— Я заплатил вам за все! — выкрикнул он ему в лицо. — Вы обещали мне лучшее лечение, самые новые препараты, светил нейрохирургии! А что теперь?

— Пустите меня! — раздраженно буркнул Сергей Антонович.

Александр с трудом разжал сведенные судорогой пальцы, цеплявшиеся за обшлага его халата. С силой выдохнул, отошел в сторону, неожиданно ощутив опрокидывавшее с ног бессилие, обрушившееся на него после этой вспышки.

За его спиной доктор сердито одергивал халат:

— Знаете что, милый мой... Только из уважения к вам... к вашему горю... Мы здесь не какие-нибудь прощелыги, делаем все возможное... Чего вы хотите от меня? Чтобы я, извиняюсь, поднялся на небеса и договорился с Богом не забирать вашу возлюбленную? Извините, это не в моих силах...

— Простите меня, — глухо отозвался Александр, не оборачиваясь. — Я вел себя недопустимо. Это нервы...

— Нервы, нервы... — проворчал доктор. — Обратитесь к медсестре на посту, она даст вам успокоительное. А лучше всего идите спать, дорогой мой. От того, что вы тут торчите днями и ночами, изводите себя,

лучше никому не будет. Завтра я сообщу вам вердикт консилиума. Доброй ночи.

Дверь платы закрылась, и шаги врача застучали по коридору.

Несколько минут после ухода врача Александр тупо смотрел в стену палаты. По светло-желтой краске змеилась едва заметная трещинка. За прошедшие две недели он изучил эту стену лучше, чем стены в любой из комнат, где ему когда бы то ни было приходилось жить.

Сделав над собой усилие, он перевел взгляд на Елену. Девушка лежала все так же неподвижно, не подавая никаких признаков жизни. Невозможно было представить себе, что она уже никогда не откроет глаза, не назовет его по имени, не дотронется пальцами до щеки.

«Милая, милая... Глаза твои прозрачные, как весеннее небо. Руки твои нежнее, чем морской бриз. Кожа пахнет медом и молоком. А губы...»

Он сдавленно застонал, вскочил с места и принялся мерить шагами палату.

«...Если ты уйдешь, меня не останется. Я не представляю себе жизни без тебя... Все, к чему я шел, к чему стремился, теперь не имеет никакого значения. Радость моя, я бы жизнь отдал за тебя. Я люблю тебя так, как будто бы знал тебя всегда, с первого своего вздоха... Если бы только было возможно лежать здесь вместо тебя. Только бы ты жила, любимая моя. Только бы ты встала с этой проклятой кровати. Не бросай меня, пожалуйста не бросай...»

Александр опустил на стул, сжал голову руками. В голове проносились отрывочные мысли: «Что он сказал, этот эскулап? Я не бог и не волшебник... Чего

вы от меня хотите, чтобы я поднялся на небеса и договорился с богом?... Договорился с богом... Что-то такое я уже слышал сегодня. Или читал...»

Он вдруг вспомнил о случайно попавшем к нему в руки замызганном журнале. Огляделся по сторонам и обнаружил его на подоконнике. На обложке было нарисовано что-то непонятное, какие-то психоделические заморочки, сквозь которые проступало название издания — «Другой мир». Александр перелистал страницы и нашел статью, которую не успел дочитать до прихода врача. Теперь он вчитывался в строчки внимательнее.

«Вот такой диалог довелось услышать мне в далеком краю, у подножия древних Алтайских гор, в поселении, раскинувшемся вокруг древнего буддийского монастыря. Такие слова сказал заезжей женщине с измученным страданием лицом мудрый настоятель, слава о котором разнеслась далеко по округе и достигла даже огромной суетной Москвы. Со всей необъятной страны стекаются к нему за помощью люди, пережившие горе, мучимые болезнью, не находящие ответа на главные жизненные вопросы. И для каждого находят-ся у него время и помощь...»

Далее автор статьи рассказывал о ламе удивительные вещи, будто бы на его глазах тот исцелял людей от давних недугов, предсказывал будущее и прошлое, также объясняя, почему то или иное событие случилось в жизни больного. Как правило, лама пояснял это некой кармой или предзнаменованием.

Дочитав исполненную загадочного пафоса статью, Александр задержался взглядом на фамилии журналиста — М. Внемиров. Невольно в воображении возник немолодой строгий человек, возможно ученый, все-